Павел Сергеевич Громов, житель заветлужской деревни Сухоречье ходил по земле так, будто она пружинила под его заботливо смазанными запашистым дёгтем кирзачами.

Только что в самую силу входил мужик.

– Здорово, Павлух! Чего это ты раненько так? – окликнул его в колхозной гаражной диспетчерской ночной сторож Венька Гуськов, неопределённого возраста с морщинистым лицом, насквозь пропахший соляром и дешёвыми сигаретами.

– А я, Веньямин, люблю за солнышком следить, когда оно из-за Яшкиной Гривы вываливается.

– Ага, солнышко, ёшь твою медь! Поди с Валюхой всю утрянку обнимались.

– Не без этого, – усмехнулся Громов, тряхнув своей каштановой, с лёгкой проседью кучерявой шевелюрой. Он подошёл к двухведёрному эмалированному бачку, зачерпнул кружкой тепловатой воды и выпил.

– Давай-давай, вздани-ка на каменку-то! Вчера, поди, стаканища по два девятиглотошных прохватили?, – не унимался намолчавшийся за ночь сторож.

– Какой стаканище! Селёдки солонущей, знать, натрескался.

– Ага, селёдки! Как раз! Видел я, как вы с Сашкой Задачиным трактора ставили. Что-то вас лишконько покачивало.

– Ну и чего, блин, прицепился-то? Было дело. После смены пришлось плуга навешивать, в Сухоречье огороды пахали.

– Знамо дело, чай на каждой меже пузырёк причитался.

– Ну а ты чего раздухарился? Святой, что ли, или завидки берут? – тормознул Павел Веньку.

– Нет, Сергеич, я свою цистерну и даже канистрёнку маленькую уже высушил. Вторую группу инвалидности по сердцу обещали в райбольнице выписать.

– Болтун ты и захребетник, Веньк. Шёл бы вон на ферму говнецо перегребать. Кемаришь тут ночами да ещё сплетни собираешь.

У Гуськова пропала охота продолжать перепалку. К тому же по одному да по двое заходили в диспетчерскую механизаторы – шоферы и трактористы. Подошла, гремя ключами, и заправщица Тоня.

Павлу с напарником на своих МТЗ «восемьдесят вторых» предстояло культивировать землицу под овёс. Весна выдалась спорая. Дождички перепадали вовремя, как по заказу. Механизатор широкого профиля Павел Сергеевич Громов любил и умел работать. Имя его, будто в соответствии с фамилией, гремело по всему Заветлужскому району.

– Паш, а у тебя и взаправду, знать, ладони болтики и шайбы примагничивают, – частенько замечали ему приятели. А он никогда не уходил из гаража, если в тракторе или в прицепном инвентаре была какая-то неисправность. Сам, без инженера или механика, добывал или изготовлял запчасти. Любил возиться с железками.

За последние пару лет ветра перестройки загуляли и в полях колхоза «Ёлкинский». Поговаривали о приватизации, разделе земли на паи, о других новшествах. Колхознички же, привыкшие по утрам торопиться на полевой стан и фермы, не очень и прислушивались к этим новостям, не очень-то в них и верили. «Ёлкинский» был на хорошем счету в районе, и народец, как тогда говаривали, «держался за работу».

Ценил и чего уж там – гордился своей работой и Павел Громов.

В поле, на тракторе, за рулём ли «газона» приходилось наматывать вёрсты на кардан – всегда он при себе, наряду с ключами, за спинкой сиденья имел аппетитный набор съестного. Частенько не удавалось пообедать дома. При полевых и дорожных перекусах его напарники сетовали на то, что Громов уж очень тщательно готовил «стол».

– Да ладно, Паш, хватит выкомариваться, чего это ты как в ресторане раскладываешься, – ворчали приятели.

– А куда спешить? Уж на то, чтобы подзаправиться, время всегда найдётся. Выпить так выпить, закусить так закусить, всё по-черёдному надо сделать.

Это означало, что всё должно быть по череду –по порядку. С выпивкой такие посиделки чаще бывали в гараже после смены или рейса.

Неторопливо и даже с некоторой торжественностью Павел Сергеевич извлекал из кабинного нутра сумку из кожзаменителя с пакетиками и баночками домашних заготовок.

Неизменным было, к примеру, сальцо. В их с любимой женой Валюхой «громовском» исполнении на срезе оно было белое и блестящее. И только у легко снимающейся шкурки – с тонюсенькой тёмной полоской. В ней, в этой самой шкурке, и тающей во рту мякоти с чесночными, перчиковыми и лаврушечными «отголосками» и состояла та жизнеутверждающая радость для мужичьих желудков, предварительно ополоснутых почти настоящей водкой из одного на всех гранёного стакана с толстым рубчиком по ободку.

Хозяин нарезал сало изрядными ластушинками и возлагал их на толсто нарезанные ломти черняшки, не забывая добавлять по два-три пёрышка зелёного лука. Умела, ох как умела его Валентина и огуречки

со смородиновым листом засаливать. И если другие брали их целиком или резали крупно и поперёк, то Павлуха аккуратно рассекал их повдоль и укладывал ломтики рядочком, не забывая на сей раз добавлять сочные бело-фиолетовые скобочки репчатого лука.

А уж если появлялась в походной «кафушке» селёдочка в банке из-под «Иваси», то это был сугубо особый случай. Готовилась коренная закусь дома и заранее, также по-особому фамильному рецепту…

Уже по осени как-то попросил главврач местной участковой больницы у ёлкинского председателя трактора с тележкой. Надо было привезти из леса дрова-швырок для котельной. Кого послать? Конечно же, надёжного и исполнительного Павла Громова. Исполнил он наряд и не отказался от пары мензурок спирта под таблетку валидола.

Темняло. Решил не ставить трактор в гараж и подался до дома короткой дорогой…

После он долго и мучительно, по секундам, раскладывал в памяти тот злополучный момент. Как же это с ним, лучшим механизатором всей округи, не с ходящим с «экрана трудовой славы», такое могло произойти? При свете фар он просто не заметил сухореченского моста. Это была его личная и непоправимая катастрофа. Трактор завис сцепкой на торцах брёвен мостовинника, а передком почти в вертикальном положении уткнулся в едва подмороженные, заросшие осокой, влажные кочки.

Зажатый тогда смятой кабиной, вмиг протрезвевший Павел остался жив, но выбраться самостоятельно из железного капкана не смог.

Руки его неестественно вывернуло. Правый локоть больно уперся под грудь. Резко пахло соляркой. Из-под горящих фар над болотечком поднимался пар.

«Крандец пришёл, сгорю на хрен», – подумалось.

Ан нет, крупно повезло бедолаге! На «шишиге» возвращались в райцентр мужики из «Сельхозтехники», тоже поддатые. Усилиями вездехода и подручными средствами удалось вызволить и трактор, и «ездюка». Спасители ещё и проставу вгорячах запросили. Но «счастливца» мутило и без этого.

Всего-то с неделю и пролежал он тогда в больнице. Два сломанных ребра и сотрясение мозга – вот и весь ущерб. Весь, да не весь! Кроме того что-то будто перещёлкнуло в черепной коробке Павла Громова. Запил он по-чёрному, надолго и основательно.

И была новая весна.

Раннее, нарядное и ароматное от цветущих садов утро царило на проулках и приусадебниках деревушки Сухоречье. А он по запахам определил, что очнулся в бане. В воздухе пахло волглой сажей и золой. И ещё – закисшим хозяйственным мылом. Встать и открыть глаза даже и не пытался. Ему казалось, что если он это сделает, то голова, гудящая, как чугунок от ударов ухвата, треснет и разлетится на мелкие осколки.

В глазах мелькали разноцветные молнии. Цивиканье проснувшегося сверчка показалось оглушительным скрежетом. Проскочила мысль о выпитом накануне: «Где и чего это я так набрался?»

Стараясь дышать пореже, он тупо задавал себе этот вопрос и не находил ответа.

«А крандец-то тебе, Павлик Громов, похоже, пришёл окончательный»,– как бы со стороны поставил себе диагноз страдалец.

Пошарил освободившейся от «объятий» скамейки рукой в поисках чекушки или поллитровки с таким вожделенным на сей момент остаточком.

«Последний-то глоток, поди, здесь, в бане и принял», – подумалось.

Вспыхнувшая было искрой надежда вмиг погасла оттого, что прикоснулся ладонью к какой-то посудине, оказавшейся металлическим черпаком с длинной ручкой:

Глыть-глыть – чуть отпил тепловатой воды. Наощупь добрался до предбанника, открыл дверь. Пошатнулся от кружи в голове. Согнувшись в три погибели, Павел шагнул за порог, а вот разогнуться так и не смог. Сознание покинуло его, и он упал на доски порожка, едва не стукнувшись головой об угол бани.

В реальный мир он воротился из летнего полька́ под неистовым солнышком, словно опоясанного рядами одинаковых празднично-светлых берёзок, где нарезал бесконечные круги с зигзагами. При этом, как ни старался лучший тракторист колхоза вырулить на просёлок, ничегошеньки у него не получалось – руки и ноги не слушались. С усилием обернулся назад и обнаружил, что плуга на сцепке не было. Ещё подумать успел, что, наверное, потерял его, зацепив пенёк. От этого пригрезившегося испуга и вошёл в сознание. Левая рука и левая же нога были стамы́ми – плохо слушались. От этого жестокого откровения собственного организма, такого послушного в недавнем прошлом, и нахлынувшей паники больной вновь улетел в бездну беспамятства…

И уже виделись ему штабеля исходящих крепким смоляным духом сосновых хлыстов, сизый дымок из выхлопника трелёвщика, подминающего под себя свежие сугробы, слышалось его восходящее к низкому небу рявканье. И как же были сладки дымки сигарет на перекуре! Как же вкусен был хвойный настой морозного воздуха!

– Валь, а ведь он очнулся. Слышь, промычал что-то, – медсестра Заветлужской районной больницы поправляла капельницу.

– Да и сама вижу, – жена Павлухи, четвёртый день бессменно дежурившая около него, торопливо сдернула тёмную косынку с головы. Большими серыми, с красными прожилками, глазами всматривалась во вновь окаменевшее и будто помолодевшее за дни болезни лицо мужа.

– А молиться-то, Валь, чай, умеешь?

– Да учила бабушка «Живые помощи» читать. Я вот ещё чего думаю, а не лишку ли ему лекарств вливаете. Он ведь у меня сильный был, таблетки ни одной не выпил.

– Что врач прописал, то и вливаем. Когда привезли твоего-то, ведь он совсем никакой был, физраствор вены едва принимали. Ну, побежала я. Сторожи. Войдёт в сознание – мне или Александру Васильевичу сразу скажи» …

– Иишла, – только и сумел Павел прошамкать с удивлением и необъяснимой горькой обидой, когда окончательно пришёл в себя.

– Да пришла, куда я денусь, – Валентина придвинула табуретку ближе. – Как хоть ты?

Павел даже и не пытался ответить. Он жестом подозвал жену поближе и с навернувшимися на глаза слезами что-то настойчиво шептал перекошенным судорогой ртом.

– Да поняла я, поняла, – как-то даже сердито выговорила она, – не возьму я сюда Веруньку с собой, чего она тут не видала.

Очень уж не хотел заботливый и ласковый отец, чтобы кровиночка его, младшая дочка, видела его таким, каким он был в сей момент.

А в колхозе «Елкинский» совершилась-таки приватизация и передел земли на паи.

Павел Сергеевич не только выжил, но и, отказавшись от третьей группы инвалидности, сам себе обозначил план реабилитации.

Каждый божий день он дважды, не торопясь, пешочком вышагивал до зерносушильного комплекса. Нет, не трудился он на КЗС, который в одночасье никому стал не нужным. Была на этой сложной и дорогой сушилке одна, крайне необходимая ему деталь – высоченная металлическая лестница с перильцами, из шестидесяти двух ступенек. Вот по ней, начиная с пяти и прибавляя по ступеньке за приём, поднимался да спускался он.

Получил он и положенную ему после развала колхоза землицу. Покорёженный трактор также остался в его собственности, чему он был несказанно рад.

Следующей весной Павел Громов проложил первую борозду на собственном наделе. Вышла она у него, как всегда, глубокой и ровной. Это была новая линия его жизни, прямая и надёжная, несмотря на суетность и непредсказуемость в большом мире.